

DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-4-76-83

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 93/94(47).08

Дата поступления: 19.07.2024
рецензирования: 21.08.2024
принятия: 15.11.2024**К вопросу об особенностях и эффективности полицейского надзора в губерниях Российской империи во второй половине XIX века****М.Л. Радченко**Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация
E-mail: mirra.1991@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7535-7438>**И.С. Ефремова**ОКУ «Госархив Курской области», г. Курск, Российская Федерация
E-mail: efremova.i.s2012@gmail.com

Аннотация: В центре статьи вопрос об организации полицейского надзора в Российской империи, его типах, особенности применения и главное – эффективности и наличия вероятности с помощью гласного и негласного полицейского надзора минимизировать число политически «опасных» элементов, возросших в российском обществе во второй половине XIX века. Прилагаемые архивные материалы позволяют наглядно показать уровень эффективности надзора и отметить особенности организации в губерниях мер по обеспечению контроля исполнения «Положения о полицейском надзоре». Ведение специальных книг-ведомостей, сбор данных, установление регулярного гласного и негласного наблюдения, перлюстрация корреспонденции и прочие предупредительные меры должны были в теории обеспечить эффективность реализации задач по охране порядка в Империи, но не всегда могли быть в достаточной мере эффективны в практическом применении.

Ключевые слова: полицейский надзор; революционное движение; Положение о полицейском надзоре; негласный надзор; правоохранительные органы; перлюстрация корреспонденции.

Цитирование. Радченко М.Л., Ефремова И.С. К вопросу об особенностях и эффективности полицейского надзора в губерниях Российской империи во второй половине XIX века // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2024. Т. 30, № 4. С. 76–83. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-4-76-83>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Радченко М.Л., Ефремова И.С., 2024

Маргарита Леонидовна Радченко – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Ирина Сергеевна Ефремова – начальник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения, ОКУ «Государственный архив Курской области», 305000, Российская Федерация, г. Курск, ул. Ленина, 57.

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: 19.07.2024
Revised: 21.08.2024
Accepted: 15.11.2024**On the question of the features and effectiveness of police supervision in the provinces of the Russian empire in the second half of the XIX century****M.L. Radchenko**Putilin Belgorod State Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russian Federation.
E-mail: mirra.1991@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7535-7438>**I.S. Efremova**Regional state institution «State archive of the Kursk region», Kursk, Russian Federation
E-mail: efremova.i.s2012@gmail.com

Abstract: The article focuses on the question of the organization of police supervision in the Russian Empire, its types, features of application and, most importantly, the effectiveness and likelihood of using public and secret police supervision to minimize the number of politically «dangerous» elements that increased in Russian society in the second half of the XIX century. The attached archival materials make it possible to clearly show the level of organization of supervision and note the features of the organization in the provinces of measures to ensure control over the implementation of the «Regulations on Police Supervision». Maintaining special register books, collecting data, establishing regular public and secret surveillance, viewing correspondence and other preventive measures were supposed to ensure the effectiveness of the implementation of tasks to ensure the protection of order in the Empire.

Key words: police supervision; revolutionary movement; Regulations on police supervision; secret supervision; law enforcement agencies; censorship of correspondence.

Citation. Radchenko M.L., Efremova I.S. On the question of the features and effectiveness of police supervision in the provinces of the Russian empire in the second half of the XIX century. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2024, vol. 30, no. 4, pp. 76–83. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-4-76-83>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declared no conflicts of interest.

© Radchenko M.L., Efremova I.S., 2024

Margarita L. Radchenko – Candidate of Historical Sciences, lecturer of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Putilin Belgorod State Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, 71, Gorky Street, Belgorod, 308024, Russian Federation.

Irina S. Efremova – head of the Department of Scientific-Research Work and Information Management, Regional state institution «State archive of the Kursk region», 57, Lenin Street, Kursk, 305000, Russian Federation.

Введение

В современном мире с его регулярно меняющимися приоритетами и жизненными ориентирами одним из основополагающих столпов стабильности и порядка является государство, выполняющее экономические, социальные, охранные и культурно-воспитательные функции. Угрозы и вызовы для государства как незыблемого фундамента существования нации и единственного носителя суверенной власти на всем протяжении развития этого института – от момента появления до расцвета и упадка – всегда представляли совокупность причин, имеющих в зависимости от периода как специфические, так и общие константы. Но неизменно одной из ключевых задач являлось обеспечение слаженной работы институтов по защите государства от факторов, подрывавших и разрушавших его целостность и устои, и прежде всего органов правопорядка. Функционирование правоохранительной системы имеет долгую историю. Говорить о полноценном охранном институте на ранних этапах развития государства вряд ли возможно. Но тот факт, что институты охраны правопорядка зарождались одновременно с государственностью, неоспорим. По истории возникновения и становления правоохранительных органов написано немало работ. Одной из тем, интересующей исследователей, является исторический анализ изменений нормативно-правовой базы, регламентирующей компетенции этих структур. Из дореволюционных ученых можно выделить И.Е. Андреевского, И.Т. Тарасова, В.Ф. Дерюжинского, в работах которых в описательной форме рассматривается законодательство в области полиции. А вот в трудах историков государства и права (А.Я. Малыгина, А.С. Лукьянова, А.В. Борисова 2014, С.В. Кодана и др.) уже делается акцент на систематизацию полицейского законодательства в первой половине XIX века в контексте Свода законов Российской империи. Наиболее плодотворным периодом в данном контексте является вторая половина XIX века, когда вследствие необходимости обеспечения «тишины и спокойствия» в Российском государстве функции полиции были расширены, а законодательная база существенно изменена [Рыжова 2021, с. 175].

В рамках данного исследования предпринята попытка проследить особенности и эффективность организации полицейского надзора в Российской империи во второй половине XIX в.,

привлекая не введенные ранее в научный оборот архивные документы. Одной из особенностей надзора, направленной на качественное улучшение принимаемых действий, была вариативность, проявлявшаяся в выборе гласного или негласного надзора. Архивные документы позволяют проследить наиболее используемый вариант, а также отметить особенности его применения в зависимости от социального, полового, гражданского и имущественного статуса фигурантов. Целью настоящей работы является стремление проследить степень эффективности того или иного вида надзора на снижение «градуса политического накала» в обществе.

Основная часть

Первый этап систематизации и кодификации полицейского законодательства в Российской империи приходится на 1840–1850-х гг., когда формировался Свод полицейских уставов. В 1860-е гг. законодательная база вступила в стадию совершенствования, когда, существенно не изменяясь, нормы корректировались, отвечая на запросы времени. Во многом этому способствовали реформы, проведенные во второй половине XIX века.

Стоит отметить, что прообраз института полицейского надзора существовал еще в XVIII веке, выражаясь в форме «присмотра» над кем-либо со стороны представителями полицейского аппарата. Например, по указу 1763 года под «присмотром» находились женщины, высылаемые из крупных городов по причине «заразительных болезней», а по указу 1784 года – чиновники, высланные из столицы за дурное поведение [Апкаев 2014, с. 10].

В целом институт надзора постоянно менялся, то усиливая надзорные меры, то ослабляя [История полиции России 2001]. В 1862 году императором Александром II был подписан указ об утверждении «Временных правил об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых», который реорганизовывал, таким образом, всю существующую ранее полицейскую структуру в Империи (Пузырев 2006, с. 14). Подобные преобразования были продиктованы необходимостью взять под контроль крестьянство, освобожденное в феврале 1861 г. от крепостной зависимости. Теперь на правоохранительные органы возлагались такие функции, как контроль над населением, розыск, досудебное следствие, исполнение приговоров, конвой, охрана общественного

порядка. А институт полицейского надзора отходил от своей первоначальной функции – борьбы с рецидивной преступностью, в пользу контроля за «вредными для государства» элементами [Мулукаев, Малыгин, Епифанов 2005, с. 65].

В связи с убийством Александра II усилились меры по укреплению центральной власти и расширению полномочий правоохранительных органов. Проявлением нового политического курса стало принятие 14 августа 1881 года «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», на основании которого 1 марта 1882 года были изданы «Положение о полицейском надзоре» и 12 марта того же года «Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей» [Мулукаев, Малыгин, Епифанов 2005, с. 66]. Укрепление законодательной базы Российской империи и расширение функций полиции было вызвано в первую очередь борьбой против роста революционного движения и появления в общественной среде лиц «вредных и неблагонадежных» (Пузырев 2006, с. 16). По оценке В.М. Гессена, Положение представляло совокупность расширенных полномочий, правоохранительной власти в области гласного и негласного надзора. По сути, этот акт являлся превентивной мерой [Биошкина 2012, с. 556], направленной на формирование с помощью юридического инструментария общегосударственной системы внутренней безопасности в Империи, с учетом роста революционных идей. При этом значительно расширялась деятельность главных субъектов обеспечения внутреннего порядка – полиции и Корпуса жандармов [Рыжова 2021, с. 177] и ограничивались права лиц, находящихся под надзором. В частности, полиция получила право входить в жилище поднадзорного лица в любое время суток и проводить обыск (согласно статьям 18 и 19 Положения 1882 г.) (ПСЗ–III. Т.2. Ст. 730). В свою очередь поднадзорный обязывался прибывать в полицию по первому требованию, и по распоряжению министра внутренних дел ограничивался в праве переписки. Безусловно, наиболее пристальное внимание уделялось «политическим», то есть привлеченным по делам, затрагивавшим государственные устои и нарушавшим своей противоправной деятельностью «общественный покой».

Представителям правоохранительных органов при исполнении надзорных функций приходилось постоянно взаимодействовать с губернским правлением и канцелярией губернатора, а последнему – с Министерством внутренних дел. Каждые полгода полицмейстер или губернатор представляли отчет о лицах, находящихся под надзором, своему непосредственному руководству, включавший также и сведения о мерах, принимавшихся в отношении «неблагополучных» лиц [Колодеев 2013, с. 108]. В числе таковых можно назвать следующие. Как правило, наиболее упрямым фигурантам, не становившимся на путь исправления, губернатор или

полицмейстер простой надзор могли заменить на строгий, а также продлить сроки нахождения под надзором или передать дело в суд. При согласовании с руководством применялись и более жесткие меры.

Довольно интересные изменения коснулись канцелярии губернатора и полицмейстера. В частности, канцелярскими чиновниками велось особое списки-книги (ведомости) по лицам, находившимся под надзором. В книгах давались сведения по типу надзора, то есть под каким надзором находился человек – под обыкновенным, строгим или секретным, личные данные и информация о родственниках поднадзорного лица.

Так, в одной из таких ведомостей по Курской губернии за 1892 год были внесены данные о Балавенском Александре Кесаревиче (ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3334. Л. 29–30).

Балавенский Александр К., из потомственных дворян, православный, родился в Харьковской губернии. По обвинению в государственном преступлении в отношении Балавенского был установлен трехгодичный гласный надзор, в течение которого он должен был находиться в городе Белгороде Курской губернии. В ведомости также была отмечена информация о том, что Балавенский, находясь в Белгороде, будет готовиться к поступлению в высшее учебное заведение. Денежных пособий из казны не получал. А семья поднадзорного состояла из отца, матери и сестры, первый проживал в Белгороде, а последняя – в Полтаве.

Или за 1893 год были внесены данные об уроженке Калишской губернии, дворянке римско-католического вероисповедания Паулине Леопольдовне Сырошевской (ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3334. Л. 43–44). Сырошевская Паулина Л. с декабря 1893 года находилась под гласным надзором в Курской губернии, прибыв туда из Варшавы по обвинению в государственном преступлении. В Курске Сырошевская определенного занятия не имела, денежных пособий из казны также не получала. В состав семьи входили брат, проживающий в Иркутске, и две сестры, одна из которых проживала в Варшаве.

Соответственно, подобные данные вносились по каждому поднадзорному, приезжающему в Курскую губернию, равно как и по другим губерниям. Количество прибывающих поднадзорных по каждой губернии могло быть разным, но общая информация носила одинаковый характер согласно принятому Положению.

Таким образом, поднадзорное лицо оказывалось в центре внимания полицейских чинов, равно как и его родственники, которым в той или иной мере также «уделялось внимание» полиции.

Интересен в плане рассмотрения, конечно же, и секретный надзор.

Понятие секретного, или негласного, надзора определялось в Положении 1882 года как превентивная мера по предупреждению преступлений против государственных интересов. Его особенностью являлось то, что поднадзорный, как прави-

ло, не знал, что за ним установлено наблюдение. Попадали под такое наблюдение лица, чья благонадежность представлялась сомнительной. В условиях формирования революционного движения XIX века такими неблагонадежными гражданами могли оказаться те, кто был замечен в создании незаконных политических организаций, равно как и состоянии в подобной организации. Поскольку лицо, находившееся под надзором, не имело представления о том, что за ним установлена слежка, то никаких ограничений в плане гражданских свобод не наблюдалось, о чем и было сказано в секретном циркуляре МВД от 09.04.1882 (ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д.10. Л. 3). Хотя «контроль» за субъектом осуществлялся постоянно, включая и те случаи, когда поднадзорный покидал губернию и перебрался на другое место жительства. Как правило, сведения о перемещении подконтрольного лица передавались в местную полицию, которые возобновляли слежку уже в новом регионе. По случаю переезда поднадзорного составлялись особые извещения, в которые включались данные о поднадзорном, причине его переезда, дате выезда и предполагаемого прибытия и иные «компрометирующие» сведения [Зарубина 2022, с. 59].

Вопрос, касающийся пребывания в губернию того или иного лица, находящегося под надзором, являлся одним из первостепенных для полицейских чинов.

Интересны сведения по отдельным губерниям, рассматриваемые исследователями в рамках освещения вопросов о негласном надзоре. Так, Зарубина в своем исследовании предоставляет сведения о поднадзорной М.Ф. Серчевской, которая оказалась под негласным надзором из-за своей революционной деятельности, хранении и распространении запрещенной политической литературы. Проезжая через Курскую губернию в 1903 году, М.Ф. Серчевская находилась под наблюдением курских жандармов, пока не покинула губернию и данные о ней не были переданы уже в новое место ее пребывания, Орловскую губернию [Зарубина 2022, с. 59].

Также в архивных фондах, содержащих сведения по делам канцелярии курского губернатора, есть данные о дочери мелитопольского купца – Берте Иосифовне Серебрянниковой (ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3334. Л. 32а). Состоящая под негласным надзором в Одессе Берта И. Серебрянникова в октябре 1893 года въехала в город Путивль Рыльского уезда, о чем одесским полицмейстером было сообщено путивленскому уездному исправнику.

Другой случай, относящийся также к Курской губернии: в начале сентября 1893 года новооскольский уездный исправник докладывал губернатору о том, что в течение августа того же года лиц, подлежащих надзору по политическим делам, не прибывало, а находящийся под негласным надзором с 5-го февраля крестьянин Иван Афанасьевич Смотров отбыл в село Вознесенское Землянского уезда Воронежской губернии в имение генерала Гурко в

качестве столяра. О поднадзорном И.А. Смотрове 27-го августа было сообщено землянскому уездному исправнику (ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3334. Л. 42). В октябре того же года на имя губернатора был направлен рапорт о возвращении И.А. Смотров в Курскую губернию, о чем был тут же была уведомена уездная полиция, и секретный надзор в отношении крестьянина Смотров был возобновлен (ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3334. Л. 46).

Негласный надзор, как показывает практика, мог распространяться на лиц с «сомнительной репутацией», невзирая на пол и возраст. Под особо пристальным вниманием находились студенты. Формируя ведомости о состоящих под надзором лицах, находящихся в губернии или планирующих прибыть, полицейские вносили также и дополнительные сведения о студентах, исключенных из университетов за участие в политических делах.

Стоит отметить, что с «подбором» будущих поднадзорных из числа студентов, тоже связано немало интересных фактов. В частности, если студент исключался из учебного заведения по причине участия в незаконных политических акциях, он тут же попадал под надзор полиции, как и лица, исключенные за неуплату за обучение [Афонасьев, Машковец 2022, с. 33]. В последнем случае отмечаются некоторые нюансы. Поскольку исключение за неуплату являлось принудительной мерой, направленной на регуляризацию оплаты, то не всегда исключенные по этой причине представляли опасность для государства. Поэтому с целью упрощения регистрации сведений о поднадзорных за такими лицами устанавливалось местное наблюдение, чтобы выявить, кто из них точно уже не планирует продолжать обучение в университете. Именно за такими лицами следовало в дальнейшем установить негласный надзор (ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 10. Л. 8). Позднее, в 1890 году, вышло дополнительное разъяснение по студенческому надзору. Согласно циркуляру от 17 ноября, студенты, поступающие на военную или гражданскую службу, под надзор не ставились (ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 5. Л. 4). А уже с 1894 года под негласный надзор попадали только те студенты, которые принимали участие в массовых студенческих беспорядках [Афонасьев, Машковец 2022, с. 34]. Вопросы студенческих беспорядков и установление надзора за «подозрительными» лицами являлись весьма актуальными для Империи. Исходя из имеющихся источников, видим, что подобные проблемы наблюдались в различных губерниях – Харьковской (РГИА. Ф. 916. Оп. 1. Д. 9), Витебской (ГАРФ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 141. 56 л.), Вятской (ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 5, 260 л., Д. 10. 74 л.), Курской (ГАКО. Ф.1. Оп. 1. Д. 3334. 96 л., Ф. 1642. Оп.1. Д. 7. 394 л., Д. 14. 205 л., Оп. 2. Д. 1. 143 л.), Иркутской (ГАИО. Ф. 32. Оп. ОЦ. Д. 16), соответственно – и в обеих столицах.

К примеру, по «студенческому вопросу» имеется рапорт рыльского уездного исправника (Курская губерния) от 20 сентября 1893 года

по делу бывшего студента Альвиана Васильевича Квитницкого (ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3334. Л. 23–24). А.В. Квитницкий, состоял под негласным надзором полиции как «уволенный из Санкт-Петербургского института за участие в студенческих беспорядках, бывших в марте 1890 года» (ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3334. Л. 23–24). В 1893 году Квитницкий вновь прибыл в Рыльск из Сумского уезда и поселился у своего родственника, который тоже находился под негласным надзором полиции. О сложившейся ситуации было тут же сообщено начальнику Жандармского управления и представлен рапорт на имя губернатора.

От 30 сентября 1893 года имеется рапорт и суджанского уездного исправника, также касающийся вопроса о секретном надзоре, установленном в отношении студента Мирона Николаевича Базькевича (ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3334. Л. 25–26).

Мирон Н. Базькевич, студент Харьковского технологического института, находящийся под негласным надзором ввиду причастности к политическому преступлению, по сообщению начальника Курского Жандармского управления, выехал из Харьковской губернии на Любимовский сахарный завод в Суджанском уезде. Вследствие этого суджанскому исправнику полагалось также учредить негласный надзор над Базькевичем до окончания срока пребывания последнего на сахарном заводе в качестве практиканта.

Таким образом, на момент осени 1893 года в Курской губернии находилось два поднадзорных студента, присутствие которых отслеживалось полицией и сведения о прибытии и убытии которых регулярно доводились до контролирующих органов.

В принципе количество поднадзорных лиц на каждую губернию распределялось неравномерно. Логичным являлось то, что в таких центрах, как Харьков или Санкт-Петербург, число лиц, находящихся под надзором, существенно превышало количество поднадзорных в Курской или Вятской губерниях. Например, в Курске на 1898 год под негласным надзором находилось всего 24 человека (ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 1. Л. 34). Да и перед этим количество поднадзорных было невелико, включая и возможных прибывающих «сомнительных» лиц. Так за период 1893 года можем проследить ряд рапортов курских уездных исправников (Дмитриевского, Навооскольского уездов) на имя губернатора, в которых определялось, что «лиц, состоящих под надзором полиции или привлекаемых по политическим делам» не было (ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3334. Л. 1–2).

Помимо заподозренных в политической неблагоннадженности студентов, под негласным надзором состояли и те, кто возвращался после ссылки за совершенные ранее преступления против власти. Случалось, что под негласным надзором находились и целые семьи. Например, в Курской губернии в 1893 году под наблюдением находилась семья Калистратовых – А.А. Калистратов – сын

рыльского священника, заподозренный в противоправных действиях, и его жена – О.Г. Ройз (в замужестве Калистратова), акушерка того же уезда. О.Г. Ройз до момента своего приезда в Рыльск отбывала 3 года ссылку в Томске, находясь, соответственно, под гласным надзором. По окончании надзора была выслана в Курскую губернию, где за ней и ее мужем был установлен секретный надзор (ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–4).

По данным К.А. Зарубиной, случаи, когда лица, находившиеся под секретным надзором, вступали в брак и продолжали быть под наблюдением полиции уже в составе семьи, не были редки. Только по Курской губернии можно отметить ряд таких «поднадзорных семей» [Зарубина 2022, с. 59].

Попадая под негласный надзор, отдельные лица, семейные пары, представители студенческой среды одновременно могли поставить под угрозу сомнений в политической благонадежности и третьих лиц. Объяснить это можно тем, что, помимо надзора, установленного над «подозрительными» лицами, губернские начальники жандармских управлений и уездные исправники регулярно просматривали корреспонденцию поднадзорных. При перлюстрации корреспонденции обращалось внимание не только на содержание, но и на адресата, с которым состоял в переписке поднадзорный. В случае если адресат был также заподозрен в политических преступлениях, то корреспонденция сразу же переправлялась в департамент полиции. А если переписка велась не напрямую, а через третьих лиц, то такая корреспонденция хоть и не подвергалась контролю со стороны департамента, но давала основания производить у этих лиц обыск, обращая пристальное внимание на их политическую благонадежность (ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 10. Л. 52). Подлежали проверке книги, журналы, приходившие на адрес поднадзорного, поскольку в них могла вкладываться запрещенная переписка [Афонасьев, Машковец 2022, с. 34].

К вопросу о перлюстрации корреспонденции лиц, находившихся под негласным надзором, отметим, что подобный метод использовался и при контроле переписке лиц, находящихся под гласным надзором полиции.

Как известно, гласный контроль подразделялся на обыкновенный и строгий. Находящиеся под строгим надзором зачастую были ограничены в возможности передвижения и регулярно были обязаны отчитываться в полиции о своем местонахождении. Обыкновенный надзор, соответственно, был менее строгим [Токарева 2013, с. 30]. Хотя на практике эти два вида надзора практически не разграничивались, и правила получения корреспонденции для лиц, находившихся под обыкновенным или строгим надзором, мало отличались. Письма, книги и прочая печатная продукция, которая поступала на имя поднадзорных, задерживались и переправлялись на рассмотрение в полицию [Иванов 2017, с. 180]. При этом проверке

подвергалась переписка не всех находящихся под надзором, а тех, кого полицейские чины подозревали в большей степени. Но и в этом случае могли наблюдаться значительные лакуны. Так, на примере Иркутской губернии А.А. Савилов исследует вопрос получения корреспонденции ссылкой, отбывающими наказание по политическим делам и находящими под гласным контролем полиции. Основная проблема состояла в том, что полностью отследить приходящие поднадзорному письма или документы было крайне непросто, ввиду того что получать их могли если не поднадзорные, то, например, их родственники, последовавшие за ними к месту ссылки [Савилов 2017, с. 99]. Поэтому вопросы контроля переписки поднадзорных лиц не всегда имели решения, а зачастую и вовсе не могли быть полностью отслежены. Это ставило под сомнение и саму эффективность надзора и «изоляции» ссылных лиц от вредных политических воздействий из внешнего мира (ГАИО. Ф. 32. Оп. ОЦ. Д. 16. Л. 257).

Но, так или иначе, несмотря на возможные, не всегда эффективные меры по пресечению распространения политической «угрозы», деятельность правоохранительных органов была отмечена регулярной работой по установлению контроля над поднадзорными и попытками минимизировать рост революционных идей. Так, об определенных положительных результатах может свидетельствовать то, что часть лиц, находящихся под надзором полиции, в дальнейшем от этого надзора могла быть избавлена. Например, крестьянин Седлецкой губернии Антон Николаевич Толярко на момент 1893 года находился под надзором полиции в Курской губернии, в Белгороде. От ноября того же года имеется распоряжение за № 4860 департамента полиции Министерства внутренних дел, в котором говорится, что на рассмотрении в Особом совещании дела А.Н. Толярко, было решено освободить последнего от надзора полиции с воспрещением ему жительства в Сувалкской, Седлецкой, Люблинской губерниях и в Варшаве (ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3334. Л. 33). Об исполнении данного постановления имеется рапорт белгородского исправника на имя курского губернатора об исключении крестьянина А.Н. Толярко из числа поднадзорных лиц от 13 декабря 1893 года (ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3334. Л. 35).

Говоря же в целом о значимости и эффективности полицейского надзора, можно отметить, что положительные результаты, пусть и не всегда в том объеме, который ожидался, все же имелись. Речь идет о гласном полицейском надзоре, который хотя и не всегда мог обеспечить полный контроль над «опасным» элементом, тем не менее позволял в некоторых губерниях Российской империи разрядить революционную обстановку. Иначе обстояли дела с негласным надзором. Регулярный надзор за лицами, вызывающими опасения, сбор сведений и контроль деятельности поднадзорных и связанных

с ними лиц не мог в полной мере обеспечить охрану общественного порядка и пресечь рост революционных настроений. О малой эффективности секретного надзора отмечал в своем циркуляре от 10 января 1904 года министр внутренних дел В.К. Плеве, подводя итоги двадцатилетнего функционирования негласного полицейского надзора. Согласно циркуляру министра, для качественной реализации задач, которые прописывались в Положении 1882 года, недостаточно было тех мер, которые предпринимались. Основная работа возлагалась в основном на местную полицию, кадровый состав которой не был многочисленным и не обладал материальными средствами для организации полномасштабных мер по сбору информации о поднадзорном лице или организации. Поэтому собранные сведения носили в большей степени поверхностный, общеизвестный характер (ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 10. Л. 62). Бралась во внимание личные данные, тип надзора, состав семьи или род их деятельности, чего при ежегодно возраставшем количестве радикально настроенных лиц было достаточно. В то же время не всегда удавалось проконтролировать получаемую поднадзорными корреспонденцию. По мнению В.К. Плеве, для того, чтобы противостоять «преступным политическим организациям», необходимы были специально организованные жандармские управления и охранные отделения с разветвленной внутренней агентурой и организацией наружного наблюдения [Афонасьев, Машковец 2022, с. 35]. В связи с этим В.К. Плеве пришел к выводу о необходимости отмены функционирования секретного (негласного) полицейского надзора. Однако после отмены в 1904 году «Положения о негласном надзоре» на местном уровне начальниками губернских жандармских отделений продолжались вестись списки лиц, «политически опасных и сомнительных по образу жизни» (ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 7. Л. 300).

Заключение

Таким образом, функционирующий во второй половине XIX века полицейский надзор, который должен был обеспечить охрану Российского государства от возрастающего числа лиц, политически «неблагонадежных», имел неоднозначный характер.

С одной стороны, теоретически обоснованная необходимость установления надзора имела вполне объективный характер. Поставленные перед полицейскими чинами задачи были обусловлены необходимостью четко определенного контроля за разрастающимся революционным элементом. Собственно, этим объясняется пристальное внимание власти к «политическим», представлявшим угрозу для существующего государственного строя.

С другой стороны, недостаточное материальное и кадровое обеспечение, не всегда слаженная работа полицейских чинов, возможно, излишняя бюрократия не позволяли в достаточной мере эф-

фактивно решать задачи, обозначенные в Положении 1882 года, тем самым делая практику полицейского надзора малоэффективной. При этом сами методы ведения надзора (в случае установления секретного надзора) были весьма разнообразны: от установления слежки на местах до полного контроля путей передвижения поднадзорных лиц.

Находящиеся под надзором лица, как показывает документация, представляли собой «разношерстный» состав. Это указывает на то обстоятельство, что политически неблагонадежные идеи проникали во все социальные слои, создавая

угрозу для государственной власти. Заслуживает внимание религиозно-национальный портрет поднадзорных лиц. Как показывала практика, немало выходцев из католической среды находились под надзором. Негласное наблюдение, перлюстрация корреспонденции и возможность постоянного контроля за неблагонадежным субъектом не обеспечивали возможного упразднения революционно настроенного элемента. На практике, предпринятые государством меры по контролю за данными лицами, имели половинчатый характер вследствие неэффективности этих мер по указанным причинам.

Материалы исследования

ГАИО – Государственный архив Иркутской области.

ГАКО – Государственный архив Курской области.

ПСЗ РИ – Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. 3-е (1881–1913). СПб., 1886. Т. 2 (1882). Ст. 730.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

ЦГАКО – Центральный государственный архив Кировской области.

Биюшкина 2012 – Биюшкина Н.И. Политико-правовое развитие Российского государства в условиях охранительного внутриполитического курса (1870–1890-е гг.): дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2012. 689 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19284007>.

Пузырев 2006 – Пузырев С.В. Административный надзор и контроль как формы исполнительной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 194 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16077005>.

Библиографический список

Апкаев 2014 – Апкаев Д.М. Основные направления деятельности института полицейского надзора в XIX – начале XX в. // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 2 (31). С. 10–12. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21754886>. EDN: <https://elibrary.ru/sibpvv>.

Афонасьев, Машковец 2022 – Афонасьев М.А., Машковец А.А. Особенности осуществления негласного полицейского надзора в Российской империи (на материалах Вятской губернии) // Общество. Наука. Инновации (НПК-2022): сборник статей XXII Всероссийской научно-практической конференции: в 2 т. Т. 1. Киров, 2022. С. 31–35. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49328053>. EDN: <https://elibrary.ru/ewlqiu>.

Зарубина 2022 – Зарубина К.А. Полицейский надзор или методы работы с «политически неблагонадежными лицами» во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Курской губернии) // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 2. С. 57–62. DOI: <http://doi.org/10.22281/2413-9912-2022-06-02-57-62>.

Иванов 2017 – Иванов А.А. Система полицейского надзора за политическими ссыльными на территории Иркутской губернии в 1860–1870-х гг.: проблемы становления // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Иркутск, 2017. Т. 8 (20). С. 160–185. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28815414>. EDN: <https://elibrary.ru/ygotnn>.

История полиции России 2001 – История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы / А.П. Корнев [и др.]. Москва, 2001. 202 с.

Колодеев 2013 – Колодеев Е.П. Правовое закрепление института полицейского надзора в Российской империи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 4. С. 173–177. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20236734>. EDN: <https://elibrary.ru/ravvzf>.

Мулукаев, Малыгин, Епифанов 2005 – Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Епифанов А.Е. История отечественных органов внутренних дел. Москва, 2005. 336 с. URL: https://gruppa206.narod.ru/olderfiles/1/Istoriya_OVD_Rossii_po_redakcii_49119.pdf.

Рыжова 2021 – Рыжова Ю.В. Полицейское законодательство как инструмент обеспечения внутренней безопасности Российской империи второй половине XIX – начала XX в. // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 3 (59). С. 172–180. DOI: <http://doi.org/10.24412/2072-9391-2021-359-172-180>.

Савилов 2017 – Савилов А.А. Особенности надзора за политическими ссыльными в Иркутской губернии в период с 1880 по 1905 гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2017. № 3 (29). С. 97–102. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30266121>. EDN: <https://elibrary.ru/zmidrt>.

Токарева 2013 – *Токарева С.Н.* Полицейские и поднадзорные: российское законодательство и практика полицейского надзора в Курской губернии (конец XIX – начало XX вв.) // *Новый исторический вестник*. 2013. № 4 (38). С. 28–55. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21279155>. EDN: <https://elibrary.ru/rxqykj>.

References

Аркаев 2014 – *Аркаев Д.М.* (2014) Main directions of activity of police supervision institute in the XIX – early XX centuries. *Bulletin of Vladimir Law Institute*, no. 2 (31), pp. 10–12. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21754886>. EDN: <https://elibrary.ru/sibpvv>. (In Russ.)

Afonasyev, Mashkovets 2022 – *Afonasyev M.A., Mashkovets A.A.* (2022) Features of the implementation of covert police supervision in the Russian Empire (based on the materials of the Vyatka province). In: *Society. Science. Innovations (NPK-2022): collection of articles of the XXII All-Russian research and practical conference: in 2 vols. Vol. 1*. Kirov, pp. 31–35. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49328053>. EDN: <https://elibrary.ru/ewlqiu>. (In Russ.)

Zarubina 2022 – *Zarubina K.A.* (2022) Police surveillance or methods of working with «politically unreliable persons» in the second half of the XIX – early XX centuries (on the example of Kursk province). *Vestnik of Bryansk State University journal*, no. 2, pp. 57–62. DOI: <http://doi.org/10.22281/2413-9912-2022-06-02-57-62>. (In Russ.)

Ivanov 2017 – *Ivanov A.A.* (2017) The system of police supervision over political exiles in the Irkutsk province in the 1860-ies–1870-ies: problems of formation. In: *Siberian reference: collection of scientific articles. Irkutsk, Vol. 8 (20)*, pp. 160–185. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28815414>. EDN: <https://elibrary.ru/ygotnn>. (In Russ.)

History of the police in Russia 2001 – *Korenev A.P. [et al.]* (2001) History of the police in Russia. Brief historical essay and main documents. Moscow, 202 p. (In Russ.)

Kolodeev 2013 – *Kolodeev E.P.* (2013) Legal consolidation of the institution of police supervision in the Russian Empire. *Humanities, social-economic and social sciences*, no. 4, pp. 173–177. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20236734>. EDN: <https://elibrary.ru/ravvzf>. (In Russ.)

Mulukaev, Malygin, Epifanov 2005 – *Mulukaev R.S., Malygin A.Ya., Epifanov A.E.* (2005) History of domestic internal affairs bodies. Moscow, 336 p. Available at: https://gruppa206.narod.ru/olderfiles/1/Istoriya_OVD_Rossii_po_redakciei_-49119.pdf. (In Russ.)

Ryzhova 2021 – *Ryzhova Yu.V.* (2021) Police legislation as a tool for ensuring the internal security of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX century. *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, no. 3 (59), pp. 172–180. DOI: <http://doi.org/10.24412/2072-9391-2021-359-172-180>. (In Russ.)

Savilov 2017 – *Savilov A.A.* (2017) Peculiarities of supervision over political exiles in the Irkutsk province in the period from 1880 to 1905. *Issues of Social-Economic Development of Siberia*, no. 3 (29), pp. 97–102. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30266121>. EDN: <https://elibrary.ru/zmidrt>. (In Russ.)

Tokareva 2013 – *Tokareva S.N.* (2013) The policemen and the supervised: Russian legislation and police surveillance in the Kursk region (late XIX – early XX centuries). *The New Historical Bulletin*, no. 4 (38), pp. 28–55. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21279155>. EDN: <https://elibrary.ru/rxqykj>. (In Russ.)